

УДК 39(571.54+571.56)+ 811.512
<https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.35.100>

К бурятско-якутским этническим связям:

****ĵimken* || **емкон*, **жемкон***

Б. З. Нанзатов, В. В. Тишин*

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Представлен анализ зафиксированного в якутской среде этнонима, известного в русскоязычном написании как **емкон* и **жемкон* (в личной ономастике или в составе производных названий различных соответствующих административно-территориальных единиц). Обосновывается его связь с наименованием **ээмхэн* (**ĵimken*), в разных формах зафиксированным у нескольких территориальных групп бурятского населения в качестве этнонима или эпонима. На основе анализа соотношения зафиксированных среди бурят форм выявлена исходная, показана ее фонетическая эволюция в якутской среде. Обсуждается этимология самого названия. В качестве одного из возможных вариантов предлагается сопоставление с известным по мусульманским источникам этнонимом *ĵemäk* (~ *ĵimäk*). Сделан вывод об участии групп западнобурятского населения в этногенезе якутов.

Ключевые слова: этническая история, этноним, ономастика, тюркские и монгольские народы, якуты, буряты.

Для цитирования: Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К бурятско-якутским этническим связям: **ĵimken* || **емкон*, **жемкон* // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2021. Т. 35. С. 100–117. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.35.100>

On the Buryat-Yakut Ethnic Connections:

****Ĵimken* || **Yemkon*, **Žemkon***

B. Z. Nanzatov, V. V. Tishin*

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the analysis of the Yakut ethnonym **Ĵemkon* and **Yemkon*, which can be identified in the personal onomastics (the name *Zhemkon* and surname *Yemkonov*) and derived names of various administrative-territorial units (*Yemkonskaya* or *Yamkonskaya volost*, *Zhemkonskiy nasleg*) recorded in the Russian documents. For the first time, the ethnonym becomes known in the documents of 17th century related to the population of the Lena River valley, which later became part of the Kangalasskiy ulus. Later the name was recorded in Vilyuy region. The modern Yakut spelling *cöppön*, *cökpön*, *cökkön*, *cömkön* reflects a late adaptation in the Yakut environment. In this connection the authors of the article draw their attention to the ethnonym known among the Buryats. It is widespread in different versions over vast territories among several ethnic-territorial groups of the Buryats. It is form *Zemĵed* (letter *ĵimked*) of the Khorī (Qorī) tribe Khudai (Qudai). The various forms of the ethnonym and the corresponding eponyms as *Yenĵen*, *Zenĵen*, *Ženĵen*, *Žinĵen* are widely represented both among the Khorī (Qorī) tribe Galzut (Galzuud) settled not only among the Khorī (Qorī) and Aga Buryats, and among the Verkholensk, Ol'khon, and Barguzin ethno-territorial groups of Western Buryats. The analysis shows that the Russian spelling of the Yakut ethnonym could reflect an adaptation of the original variant to be close to the pronunciation of **ĵimken* (~ **d'imken?*), which in turn makes it possible to characterize its phonetic appearance as tending to Western Buryat dialects. Therefore, there are reasons to associate the penetration of this ethnonym into the Yakut environment with native speakers of a Western Buryat type language. The etymology of the analyzed name is difficult. Formal analysis of morphology leads to the opinion that the possible reconstructed semantics would be more likely to a personal name or toponym. It is also noted that it is possible to consider the spelling **Ĵimken* ~ **Yimken* as correspond in its Mongolic form to the name known from the sources of the 11th–14th centuries and related to the Turkic tribe *Yemäk* ~ *Yimäk*. However, the authors leave this remark only as a hypothesis to be possible for further discussions.

Keywords: ethnic history, ethnonym, onomastics, Turkic and Mongolic peoples, Yakuts, Buryats.

For citation: Nanzatov B. Z., Tishin V. V. On the Buryat-Yakut Ethnic Connections: **Ĵimken* || **Yemkon*, **Žemkon*. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2021, Vol. 35, pp. 100–117. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2021.35.100> (in Russ.)

*Полные сведения об авторах см. на последней странице статьи.
For complete information about the authors, see the last page of the article.

Введение

Роль этнонимии в исследованиях этногенеза и этнической истории тюркских и монгольских народов является неоспоримо важной, поскольку при определенной методике позволяет не только проследить исторические передвижения населения в тот или иной период, но и иногда с той или иной степенью точности их датировать.

Настоящая статья продолжает цикл исследований в области бурятско-якутских этнических связей [см.: Нанзатов, Тишин, 2020а; Нанзатов, Тишин, 2020б]. В данном случае наше внимание привлек этноним, известный в русскоязычных документах как **емкон* и **жемкон* (в составе производных), также обнаруживающий параллели в бурятской среде. Это название фиксируется в составе наименований административно-территориальных единиц якутов и прежде не было идентифицировано исследователями как этноним. Статья, таким образом, посвящена обоснованию участия одной из групп носителей языка бурятского типа в этногенезе якутов. В основе методики исследования лежит словообразовательный и семантический анализ этнонимов, сравнительно-исторический, лингво-географический и этимологический методы. Основываясь на данных исторической фонетики и установленных фонетических законах для тюркских и монгольских языков, нам удалось выявить возможности сопоставления соответствующих наименований в якутской и бурятской среде, в тех формах, в каких они зарегистрированы в письменных источниках, в дальнейшем установить соотношения между ними.

Емкон, Жемкон. Этноисторический контекст

В русскоязычных документах названный якутский этноним начинает упоминаться предположительно с 1638 г., или, достовернее, годом позже. В ясачной книге Ивана Галкина (1638 г.) отмечена «Ямская» волость, в ясачной книге Парфена Ходырева (1639–1640 гг.) «Ямконская» волость, и в последующем в источниках фигурирует «Емконская» волость [Токарев, 1945, с. 38, 393; Якутия в XVII веке, 1953, с. 87; Долгих, 1960, с. 355, 364; Сафронов, 1987, с. 8–9]¹. В документе 1642 г. упоминаются «ямконцы», т. е., видимо, население соответствующей волости [Токарев, 1945, с. 41]. В ясачной книге 157 года (1648–1649 гг.) фигурирует некий Ивак Емконов как плательщик ясака [Материалы ... , 1970, с. 755]. Емконская волость, судя по русским источникам, находилась на р. Ботома (як. Буотама) [Токарев, 1945, с. 40; Якутия в XVII веке, 1953, с. 89; Долгих, 1960, с. 362]. Уже отмечалось, что соответствует территории, где располагаются сегодня Жемконский первый и Жемконский второй наслеги Хангаласского улуса [Токарев, 1945, с. 393; Долгих, 1960, с. 364] (см. также: [Сафронов, 1987, с. 11]). Численность населения волости в обозримый период с середины XVII по первое десятилетие XVIII в. была сравнительно небольшой².

¹ Кроме того, Б. О. Долгих отметил, что зафиксированная у Парфена Ходырева «Татыкайская волость», вероятно, является искаженным названием Хачикатской волости, названия части емконцев, позднейшего Хачикатского наслега [Долгих, 1960, с. 355]. Далее Б. О. Долгих назвал их хачикатским родом емконцев [Там же, с. 376].

² По архивным данным, в 1640–1641 гг. в волости числилось 6 податных (ясачных) душ, в 1648–1649 гг. – 18 (из них 1 «сыскной», 1 «сошлый», т. е. умерший), в 1654–1655 гг. – 42 (явилось 51), в 1655–1656 гг. – 42, в 1661–1662 – 69 (явилось 73), в 1663–1664 гг. – 84 (явилось 82), в 1664–1665 г. – 83 (явилось 81), в 1666–1667 г. – 90 (явилось 67), в 1672–1673 г. – 79 (явилось 71), в 1678–1679 г. – 95 (явилось 58), в 1680–1681 гг. – 100 (явилось 69), в 1683–1684 г. – 102 (явилось 69), в 1686–1687 г. – 100 (явилось 70), в 1694–1695 г. 112 (явилось 57), в 1699–1700 г. – 120 (явилось 69), в 1707–1708 г. – 130 (явилось 79), в 1711–1712 г. – 137 (явилось 135) [Долгих, 1960, с. 356–358, табл. 115; Токарев, 1945, с. 39; Парникова, 1971, с. 26, табл. 1]. По подсчетам Б. О. Долгих (по формуле 1×4), таким образом, на середину XVII в. приходится в среднем 85 плательщиков и 340 чел. общей численности населения волости, на начало XVIII в. – 135 плательщиков при 540 чел. общей численности.

«Емконская» волость фигурирует в «реестре шаманов» 1724 г. [Серошевский ... , 1896, с. 628, прим. 1]. Уже к 1727 г. «Ямконская» волость, которой управлял «князец» Булбы Сыкиров, входила наряду с Конгаласской (т. е. Кангаласской), Нюрюптейской, Малягарской, Накарской и Подгородной волостями в состав Кангаласского улуса [Башарин, 1956, с. 50; Башарин, 2003а, с. 218, 219; Долгих, 1960, с. 373]. Вероятно, это объединение произошло уже к 1726 г. [Сафронов, 1987, с. 13]. На 1767 г. в составе Кангаласского улуса известны две Жемконских волости – под управлением «князца» Нятика Кускина и «князца» Осипа Попова соответственно [Башарин, 2003а, с. 263, табл. 33]. Однако И. Г. Георги, основываясь, видимо, на данных переписи 1750 г., говорит, между прочим, о двух «Шерковских» (sic) волостях в составе «Кунгалайского улуса» [Георги, 1799, с. 170; Серошевский, 1896, с. 221]. На 1822 г. первый и второй Жемконские наслеги фигурируют в ведомстве Кангаласской инородной управы [Сафронов, 1987, с. 19]. На 1827 г. численность их населения составляла по 302 и 388 чел. соответственно [Башарин, 2003б, с. 29]. Впоследствии они оказались в составе Восточно-Кангаласского улуса, образованного в начале 1860 г. [Сафронов, 1987, с. 20].

Жемконский наслег в составе Средневилюйского улуса фигурирует в 1808 г. [Сафронов, 1987, с. 32]. В ведомости верхневилуйского комиссара 1808 г. неизвестный ранее Жемконский наслег упомянут среди волостей, которые своей «землею владеют по наследству доставшимися от предков и ни от кого никаких укреплений к отводу не имеют» [Башарин, 2003а, с. 341, табл. 29] (ср.: [Башарин, 1956, с. 95, 96, табл. 18]). Возможно, возникновение этого наслега связано с миграциями населения на Вилюю в XVIII в., представители Емконской волости среди которого известны по окладным книгам за 1720 и 1721 гг. [Парникова, 1971, с. 59–60]. По-видимому, это произошло не ранее 1732–1738 гг. [Башарин, 2003а, с. 61–64], но не позже 1772 г. [Там же, с. 332]³. По крайней мере, на 1767 г. подобного наименования в официальных бумагах не значится [Там же, с. 264, табл. 33].

В нашу задачу не входит рассмотрение всех административно-территориальных пертурбаций и вопросов, связанных с передвижением населения⁴. Отметим лишь, что к 1897 г. в устоявшейся системе жемконцы были расселены в I и II Жемконском и Хачикатском наслегах Восточно-Кангаласского улуса (рис. 1), а также в Жемконском наслеге Средне-Вилюйского улуса [Маак, 1887, с. 36; Серошевский, 1896, с. 681, 683; Патканов, 1912, с. 721, 723, 785].

Г. П. Башарин дает следующие соответствия для обозначения «Емконская волость» XVII в. – як. «Дьоппон ууһа» – рус. «Джеппенский уус» [Башарин, 2003а, с. 194, табл. 22]. Известные в современной якутской орфографии названия Жемконских наслегов (рис. 2), где для Жемконского первого и Жемконского второго наслегов Хангаласского улуса принято написание «Дьөппөн», также встречается «Дьөкпөн», «Дьөккөн», для Жемконского наслега Вилюйского улуса – «Дьөккөн», «Дьөмкөн», не соответствуют принятому в русскоязычной среде обозначению (ср.: [Иванов, 2014, с. 93–94]) и показывают, очевидно, уже позднейшую адаптацию фонетического облика.

³ На переселенческий фактор как объяснение совпадения названий наслегов различных улусов указывал Б. О. Долгих [1960, с. 372, 463].

⁴ Это подробно рассмотрено, например, в книгах Г. П. Башарина, А. С. Парниковой и Ф. Г. Сафронова.

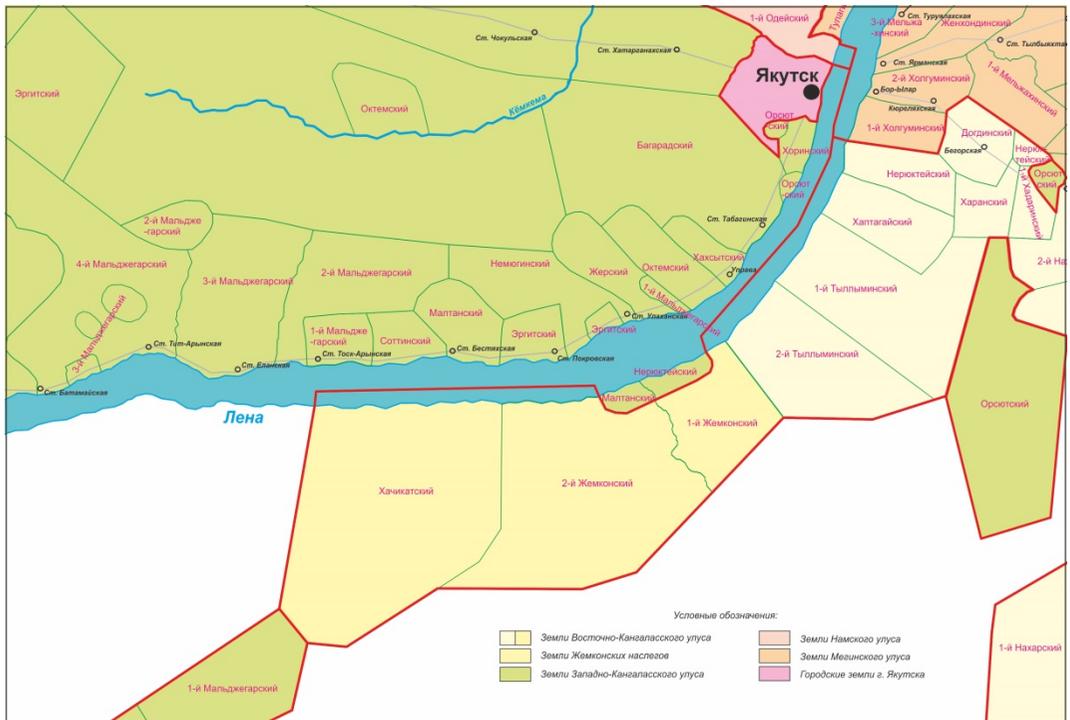

Рис. 1. Жемконские наследи в Восточно-Кангаласском улусе (конец XIX в.)

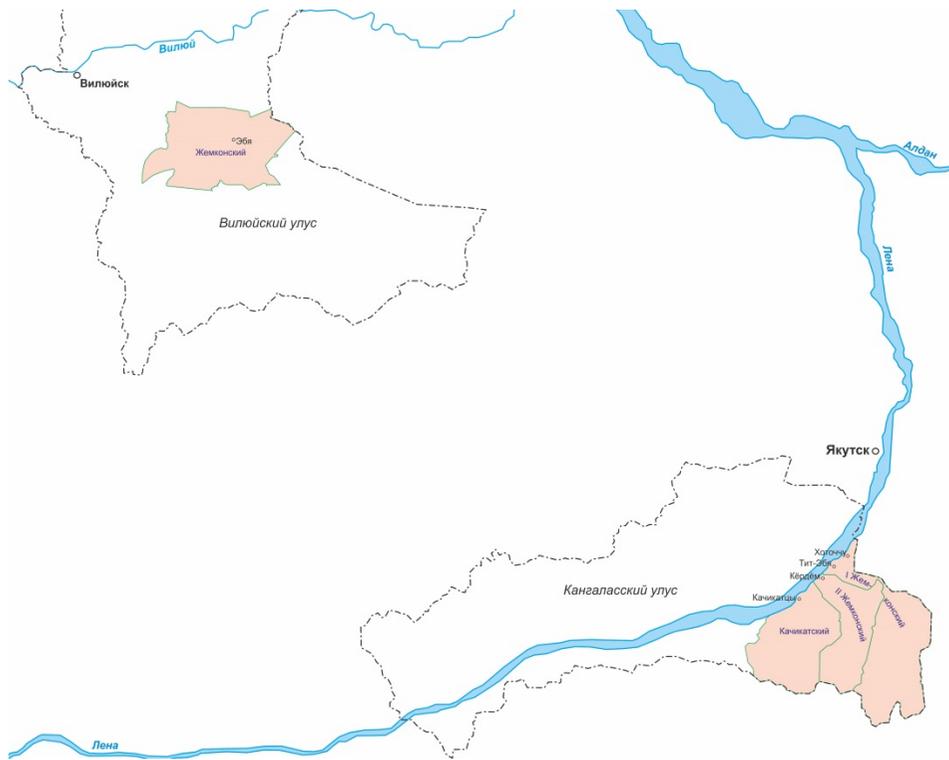

Рис. 2. Жемконские наследи Кангаласского и Вилюйского улусов (начало XXI в.)

Емкон / Жемкон. Исторический контекст. Историческая фонетика

Что касается соотношения форм *дьөппөн/дьөкпөн/дьөккөн/дьөмкөн*, можно вывести следующие закономерности. У С. Калюжиньского нет конкретных примеров с переднерядными словами, но, исходя из того, что закономерности, продемонстрированные даже в его книге, в общем-то, одинаковы, можно указать на передачу заднерядного монг. *mq* > як. *-mp-* [Kałużyński, 1961, S. 63], и из него может возникнуть далее *-pp-*. Также орфографический удвоенный *-pp-* может соответствовать в разговорной речи случаям неассимилированного стечения согласных, как *-pk-* ~ *-kp-*, *-rp-* [Грамматика ... , 1982, с. 66]. Потому форма *дьөкпөн* – вероятно, метатезированная. Удвоение *-kk-* отсылало бы, прежде всего, к исходному *-rk-* [Kałużyński, 1961, S. 65], как и *-rg-*, *-lk-*, *-tk-*, *-tg-*, *-dk-* [Там же, с. 66–67; Иванов, 1993, с. 237]. Возможно, здесь наблюдается выпадение вторичного *-ŋ-* (< *-m-*, см. ниже), характерное, в частности, для тюркских языков южно-сибирского ареала [[Грамматика ... , с. 97]. Тогда в двух случаях речь может идти об адаптации в якутской среде двух разных форм одного слова. Впрочем, во втором случае сюда укладывается отмеченное выше упоминание И. Г. Георги двух «Шерковских волостей». Относительно последнего случая нужно сказать и про звук в начале слова. Как замечал собиравший материал на десятилетие раньше Г. Ф. Миллер, «*Sch*, или русское *ж*, в произношении якутов, так же как и у монголов и бурят, трудно отличить от *j*» [2009, с. 61]. Речь, несомненно, идет о якутском звуке /d'/. В остальном приведенная И. Г. Георги форма является каким-то искажением в русской передаче, возможно, ближе произношению, обусловленному какими-то привычными «для русского уха» аналогиями.

Наименование *Дьөппөн* как эпоним упоминается в различных устных преданиях якутов, записанных уже на рубеже XIX–XX вв. Согласно одному такому преданию, записанному со слов информанта из Сатинского наслега Западно-Кангаласского улуса в 1900 г., родоначальником двух Жемконских наслегов был некий Хара Сирэй Дьөбуудай, младший брат Тыгын Муньньана и сын Дойдуна Дарџана, сына Хоџоууна, сына Дэкси, сына Экин Абаџана, сына Эллэй Боотура. В одном из преданий, записанных С. Боло, носитель имени Дьөппөн среди прочих родоначальников известен как сын Экин Абаџана, сына Эллэй Боотура. Его наслег существовал уже к моменту появления на Лене русских в 1632 г. Другое предание называет этого Хара Сирэй Дьөбуудая, основателя Жемконских родов, младшим братом Тыгын Дархана (собрано и цитировано в кн.: [Скрябина, 2018, с. 9–11]). Некоторые исследователи, вслед за С. Боло, принимают данные про этого персонажа как достоверные исторические свидетельства (ср., напр.: [Башарин, 2003а, с. 95, табл. 11 (Хара Сирэй Согудай)]). В одном из преданий, записанном в Кангаласском улусе, этот персонаж (записано: Хара Сыра Джогудай) предстает как старший брат Тыгына [Ксенофонов, 1977, с. 64], в других также фигурирует как его соперник [Окладников, 1949, с. 109 (хара Сирэй Дьогудай); Исторические предания ... , 1960, с. 141–142, 290, прим. 1 (хара сырай Дьогудай)]. В любом случае везде он представлен как современник легендарного Тыгына, исторический прообраз которого окончил свои дни между 1631 и 1632 гг. [Токарев, 1945, с. 136–139].

Имя *Дьөбүудай* (с вторичным *Дьөбуудай*)⁵, как и прозвище (*хара сирэй*, диал. *хара сырай*, букв. «черное лицо»)⁶, отсылает к монгольскому происхождению:

⁵ О некоторых случаях появления вторичной, позиционной долготы см.: [Иванов, 1993, с. 129–142].

⁶ Об употреблении монголизма *сырай* ~ *сирэй* (< письм.-монг. *čirai*) см.: [Там же, с. 91, табл. 5].

d'oγudai < **joγudai*, ср.: **joγudai* (**joγa-dai*?) в связи с халх. (< ?), бур. *зоодой* 'карась', бур. (тунк.) 'пескарь', бур. (каб.) 'небольшой омуль' [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016, с. 83]. Ср. наличие подобного имени в личной ономастике бурят: [Митрошкина, 1987, с. 83]. Если, конечно, в данном случае не какое-то иное образование с другим безусловным признаком, каким может являться аффикс +*dai*. И здесь, впрочем, допустимо также реконструировать **čoyudai* < **čayadai*. Примечательно, что это – форма, проникшая из состояния языка до стяжения комплекса -*VCV*- и образования дифтонга⁷. Форма же прозвища *сирэй*, диал. *сырай*, указывает на заимствование слова в состоянии до «перелома» гласного /i/ в первом слоге: письм.-монг. *čirai*, халх. *царай*, бур. *шарай*, калм. *чирэ*, даг. *шарā* (*шарū*), мнгр.⁸ *чирē* 'лицо, облик' [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2015, с. 147]. В бурятском материале XVII в. присутствуют слова (в основном личные имена), где представлен не ассимилировавшийся по этому закону гласный, но также зафиксировано и слово, уже отражающее этот процесс [Будаев, 1992, с. 30, 49].

**Jimken*. Этноисторический контекст

В материалах, касающихся племенной структуры бурят, встречается наименование племенных подразделений, сопоставимое с названием якутской волости и, соответственно, названиями трех наслегов.

Согласно «Родословной худайского рода», имеющейся в материалах Хоринского отряда диалектологической экспедиции 1963 г. Бурятского комплексного научно-исследовательского института СО АН СССР, одно из восьми подразделений (*küküür*) худайского рода хоринских бурят имеет название *зэмхэт* – *jimked* [jymk'd], о котором более ничего неизвестно [Цыдендамбаев, 1972, с. 95].

Сопоставимое наименование кости (*küküür*) известно в племенной структуре бурят галзутов, также в генеалогической традиции фигурирующее как эпоним (рис. 3).

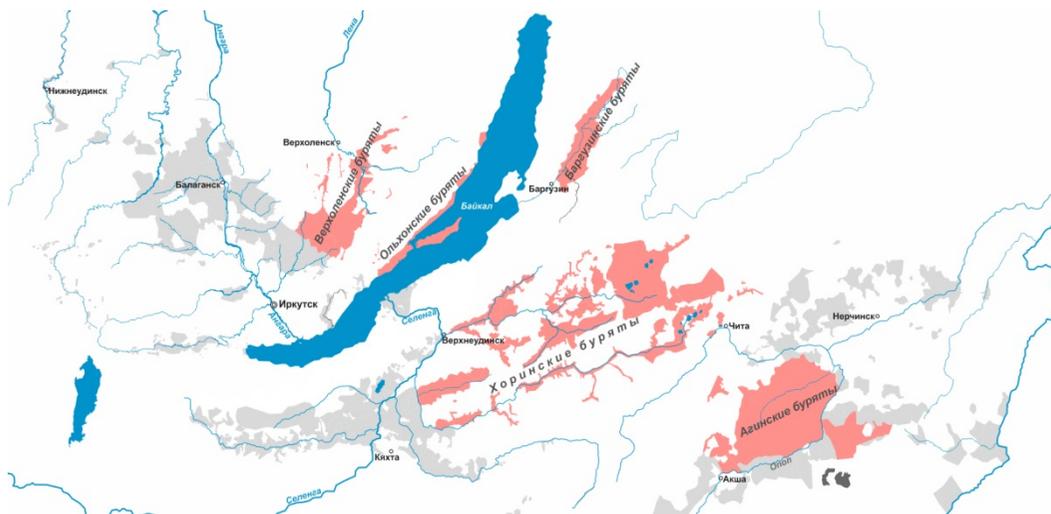

Рис. 3. Этнотерриториальные группы бурят (конец XIX в.), среди которых были распространены версии этнонима **jimken*: *зэмхэд*, *жэнхэн*, *зэнхэн*, *енхэн*, *жсинхэн*

⁷ В бурятском и калмыцком языках этот процесс шел медленнее, чем в халха-монгольском, растянувшись до XVIII в. [Будаев, 1992, с. 30, 60–61].

⁸ Монгорский язык.

В «Родословной галзутского рода» (РО БФ СО АН СССР, инв. № М-1-1205), на которую ссылался Ц. Б. Цыдендамбаев, встречается написание *jijken* [jɯŋkʰn] [Цыдендамбаев, 1972, с. 86]. Однако в так называемой хронике Вандана Юмсунова (1875 г.) авторства главы цаганского рода хори-бурят, дана форма *jijqan* [jɯŋqʰn] [Летописи хоринских бурят, 1935, с. 92; Летописи хоринских бурят, 1940, с. 69; Бадмаева, 2005, с. 120–121], т. е. с велярным вокализмом.

Н. Н. Поппе собрал сведения, согласно которым на 1932 г. в Баргузинском аймаке БМАССР среди существовавших подразделений рода (*jahan*) *galzūd* упоминается *jan'x'ij* [Востриков, Поппе, 1935, с. 45, прим. 5]. Г. Н. Румянцев позже зафиксировал это как *Яньхин* (Jan'x'ing) [Румянцев, 1949, с. 49, 50], но был исправлен Ц. Б. Цыдендамбаевым, распознавшим здесь «не что иное, как искаженную передачу имени Енхэна, от которого берут свое начало все баргузинские галзуты» [Цыдендамбаев, 1972, с. 264]. По приводимому Ц. Б. Цыдендамбаевым сообщению уроженца Баргузина Ж. С. Сажина, баргузинские галзуты ведут свое происхождение от Енхэна, чье имя уже Ц. Б. Цыдендамбаев сопоставил с *Жинхэн* упомянутой «Родословной галзутского рода» [1972, с. 263]. Ц. Б. Цыдендамбаев счел возможным сделать на этом основании столь же ответственное, сколько неоднозначное заключение: «О том, что галзуты Баргузина являются обэхиритившимися хоринцами, косвенно свидетельствует то, что они называют своего предка не Жинхэном, а Енхэном, то есть в начале этого имени они употребляют вместо согласного ж согласный j, что в языковом отношении весьма характерно для эхиритских бурят» [1972, с. 263–264]. Между тем у С. П. Балдаева приводятся записи преданий, сделанные в 50–60-е гг. XX вв., и среди его информантов нет единообразия в употреблении эпонима: представители верхоленских бурят называют своего предка Зэнхэн, ольхонских – Зэнхэн, Жэнхэн и Жинхэн, баргузинских – Жэнхэн, Енхэн и Жинхэн [1970, с. 289–295, 299].

**Jimken*. Лингвистический контекст

В бурятских записях у нас есть четыре формы: относящаяся к худаццам *jimked* (очевидно, с аффиксом множественности +*d*, о котором см.: [Рорре, 1955, р. 178–179]), три относящихся к галзутам – *jijken*, *jijqan* и фонетически зафиксированная *jan'x'ij*⁹, кроме того, записанные устные формы *zenxen*, *ženxen*, *jenxen* и *žinxen*, последняя из которых может выдавать соответствие этимологического монгольского /i/ бурятскому /e/, проявляющемуся в более закрытом комбинаторном варианте, близкому к [e] [Рорре, 1955, р. 35–36; Рассадин, 1982, с. 15–16, 17, 23]. Процесс этого перехода считается довольно поздним, начавшимся в конце XIX в. [Дамбуева, Норманская, 2018, с. 38–39]¹⁰.

Таким образом, *jimked* представляет собой наиболее оптимальную форму для сопоставления с якутским материалом. С другой стороны, наличие формы *jijken* с завершающим первый слог носовым /ŋ/ не противоречит законам бурятской фонетики, поскольку в бурятском языке этот звук, если он является изначальным, сохраняется перед заднеязычными и увулярными спирантами, соседствующими с гласными иными, чем /i/ [Рассадин, 1982, с. 107]. Подсказкой в реконструкции

⁹ По поводу конечного *-ŋ < -n* см.: [Владимирцов, 1929, с. 351–352; Рорре, 1955, р. 170; Рассадин, 1982, с. 109–110; Бураев, 1987, с. 63–64].

¹⁰ Даже в записях XIX в., например, у М. А. Кастрена, можно указать на один случай: селенгинск. *шенэ*, при нижнеудинск. *шине*, тункинск., хоринск. *шинэ* 'новый' [Будаев, 1992, с. 178].

фонетического облика, по-видимому, выступает именно якутская форма, указывающая согласный /m/ на конце первого слога. Здесь, по-видимому, предстает то же явление, известное в письменно-монгольском и в халхасском, а именно развитие *-m- > -ŋ ~ -n-* в середине слова перед заднеязычными смычными, оказывающими ассимилирующее влияние на предшествующий согласный (см.: [Владимирцов, 1929, с. 347–348]). Соответственно, представленная в галзутской номенклатуре форма *jin̄ken* может рассматриваться как вторичная по отношению к известной у худайцев **jimken*.

Однако вторая и третья «галзутские» формы *jin̄qan* и *jan'x'ij̄* требуют особого объяснения. Оставив обсуждение вопроса о соотношении равноправных в начале разных вариантов аффрикаты и щелевого (см.: [Рассадин, 1982, с. 76–77, 134–149; Бураев, 1987, с. 58–59]), следует отметить, что формально обе они внешне отсылают к веллярному вокализму. Безусловно, связь обеих можно было бы фонетически объяснить, однако без привязки к остальным формам¹¹. Предпочтительнее было бы более простое объяснение, предполагающее рассматривать написание *jin̄qan* как следствие орфографической ошибки – хотя графическое обозначение заднерядных /q/, /ɣ/ и переднерядных /k/, /g/ в памятниках старомонгольской письменности строго разграничивалось, для бурятских летописей, отличавшихся непоследовательностью орфографии, также были характерны спорадические ошибки, связанные с нарушением сингармонизма, в том числе в написании /q/ и /k/ (см., напр.: [Востриков, Поппе, 1935, с. 53, 69, прим. 38]).

Относительно формы *jan'x'ij̄* в этом случае можно сказать следующее. Мы не знаем источника, из которого Н. Н. Поппе почерпнул эту форму, однако достаточно того, что она также не находит соответствий в других источниках. Потому можно только гадать, вызвано ли переданное написание какой-либо особенностью восприятия информации, либо вовсе связано с орфографической неточностью. Остальной звуковой состав слова может быть объяснен. Палатализованный характер согласного /n'/ обычно вызван наличием последующего /i/ [Рассадин, 1982, с. 90, 119–122], о котором говорит зафиксированная Ц. Б. Цыдендамбаевым со слов Ж. С. Сажинова форма *Енихэн*, не находящая в этом отношении аналогов у других информантов. С другой стороны, палатализованные /n'/ и следующий за ним /ɣ'/ могли возникнуть вследствие соседства последнего с /i/ [Рассадин, 1982, с. 127]. Однако сочетание /x'i/ могло бы развиваться только из /ki/, сохранившись при этом без фонетических изменений в бурятских говорах восточного типа, в западных говорах сохраняясь в верхоленском (качугском) [Рассадин, 1982, с. 101–102, 129–130]. Впрочем, переход /ki/ в различных говорах в /s'i/, /t'i/ рассматривается как явление относительно новое [Поппе, 1938, с. 42, 53; Будаев, 1992, с. 58]¹². В обоих упомянутых случаях /i/, находящийся во втором слоге, должен быть пер-

¹¹ Качество гласных третьей формы может указывать на вторичность к предыдущей второй, если бы первослоговый гласный /i/ был бы этимологическим, восходящим еще к древнему общемонгольскому */i/ (см.: [Владимирцов, 1929, с. 170–171]). В этом случае форма *jin̄qan* должна была бы сохранить вокализм еще раннего состояния (< **jin̄qan*). В форме, приводимой Н. Н. Поппе, появление /a/ в первом слоге объяснялось бы следствием «перелома» гласного.

¹² О развитии бур. /ɣ/ из письм.-монг. /k/ см., напр.: [Рорре, 1955, р. 144–145]. В истории бурятского языка смычный /k/ (с увулярным вариантом в твердорядных словах) отмечен еще в XVII в. [Бураев, 1987, с. 61]. Известные материалы показывают в XVIII в. в бурятском языке параллельное употребление в мягкорядных словах вариантов смычного /k/ и спиранта /ɣ/. Касательно бурятского языка о полном завершении данного перехода можно говорить к XIX в. [Будаев, 1992, с. 55–56].

вичным. Кроме того, наличие палатализованного /n'/ можно объяснить характерной для западных бурятских говоров тенденцией перехода /n/ > /j/, как проявление промежуточной ступени [Рассадин, 1982, с. 91–92]. Между тем написанный /i/ во втором слоге после палатализованного согласного /χ'/ может обозначать также редуцированный звук, качественно близкий к гласному первого слога, отражая факультативное чередование с ним, а им в данном случае мог быть только /e/ [Востриков, Поппе, 1935, с. 54, 70, прим. 59; Поппе, 1938, с. 22, 25].

Емкон, Жемкон / *Ĵimken. Сравнительный анализ

С учетом того, что упоминание русским передатчиком названия якутской «волости» как «Ямконская», по-видимому, было навеяно какими-то другими ассоциациями (ср. «Ямская»), написание в русскоязычных документах XVII в. «Емконская» [*емкон-], вероятно, отражает форму, близкую к оригинальной.

В литературном якутском языке сочетание согласных -мк- встречается только на стыке морфем [Грамматика ... , 1982, с. 82, 83], хотя оно нормально, например, для русских заимствований [Там же, с. 86]. Это косвенно указывает на то, что рассматриваемое слово было инородным для якутской среды, а возможно, даже воспринималось с учетом его морфологии.

На примере передачи в русских документах личных имен якутов можно убедиться, что здесь отсутствовала какая-либо закономерность в передаче инициального *дь-*, который мог передаваться как йотирующим звуком (сочетания на *е-*, *и-*, *я-*), так и посредством согласных *г-*, *д-*, *ж-*, *з-* (см.: [Сафронов, 1985, с. 53, 54, 56–64, 155–156]). Безусловно, в каждом частном случае это могло быть обусловлено различными обстоятельствами. Из материала, приведенного Ф. Г. Сафроновым, также видно, что ожидаемая в якутском произношении губная гармония не всегда отражалась здесь корректно и потому случаи, когда в русской записи отражается лишь огубленный гласный второго слога, а в первом слоге выписывается, например, широкий гласный, не редки. Впрочем, *дь-* не обязательно должен был отражать аффрикату /j/, а не щелевой звук, о чем свидетельствуют, например, передачи русских имен с йотирующим началом: *Д'äkim* < Ефим, *Д'älicäi*, *Dälicäi*, < Елисей, *Д'äräbäi*, *Д'ärimäi* < Еремей, *Д'ögüör* < Егор [Пекарский, 1959, т. I, стб. 808, 809, 812, 815, 817, 850]. Согласно С. А. Иванову, переход /й/ > /дь/ «как живое фонетическое соответствие» в якутском языке характерен только для русизмов и некоторых эвенкизов [Иванов, 1993, с. 205].

В выявленных монголизмах якутского языка, в частности в собственно бурятизмах, начальный согласный *дь-* соответствует бурятским *жс-*, *з-*, *й-*, восходящим к письменно-монгольской аффрикате /j/ [Рассадин, 1973, с. 171–173]. Но есть ряд монголизмов, где в начале слова этимологическим общемонгольским аффрикатам (и соответствующим спирантам в разных монгольских языках) соответствует як. *с-*. Развивая наблюдения С. Калюжиньского [Kałużyński, 1961, s. 126], что этот *с-* не мог непосредственно восходить к аффрикатам и, соответственно, должен был произойти из каких-то промежуточных форм, В. И. Рассадин допускал, что им в данном случае мог явиться бур. /z/, в силу географической близости более предпочтительный, чем калм. /z/ и халх. /dz/. Подобные переходы письменно-монгольских аффрикат в спиранты, в том числе переход /j/ > бур. /z/, завершились в основном в XV в., соответственно, такие слова в якутском должны быть относительно поздними [Рассадин, 1973, с. 177; Рассадин, 1980, с. 79]. В последующем

В. И. Рассадин, отметив группу подобных якутских монголизмов на *s*- с /i/ в первом слоге, соответствующем монг. /i/, скорректировал свою позицию, допустив также переход письм.-монг. /j/ > як. /s/ через ступень /č/, иногда /š/ (как это отражается в монголизмах ряда южносибирских тюркских языков); это позволило бы значительно расширить нижнюю хронологическую границу таких заимствований [Рассадин, 1980, с. 79–81, 82]. Впрочем, в материалах по бурятскому языку еще в XVII в. встречается параллельное употребление аффрикат /dž/ и /dz/ наравне со спирантами /ž/ и /z/, как и в XVIII в., а в общем предполагается, что процесс спирантизации завершился лишь в XIX в. [Будаев, 1992, с. 30, 49–50].

Изложенное позволяет выдвинуть версию, что мы можем иметь дело как с формой, начинающейся на *ĵ*- (~ *дж*-), так и с формой на *j*- (~ *й*-), но не *dz*- (~ *дз*-) или *z*- (~ *з*-). На основании письменных форм, отмеченных в бурятских документах, и на данных исторической фонетики, одна из форм бурятского этнонима может быть, таким образом, реконструирована как **ĵimken* (> **d'imken*), и именно она хорошо сопоставляется с якутскими материалами.

Емкон, Жемкон / **Ĵimken*. Этимология

Реконструируемое бур. **ĵimken* позволяет предположить здесь наличие аффикса +*КАп*, отмечаемого в современных грамматиках как *-хан*, *-хэн*, *-хон*, образующего отыменные имена, которые, в трактовке Н. Н. Поппе, «имеют значение ослабленного качества» и «в большинстве случаев... ласкательный оттенок значения» [Поппе, 1938, с. 92]. Другие исследователи рассматривают отдельно такой аффикс для отыменных существительных со значением «единичного предмета, выделяемого из однородной массы» [Грамматика, 1962, с. 70], или «эмоционально-субъективного отношения к предметам или лицам и животным <...> со значением уменьшительности и ласкательности» [Дондуков, 1963, с. 14–15], и аффикс образования прилагательных от прилагательных, в основном со значением уменьшительности и ласкательности, иногда с преувеличением признака [Грамматика ... , 1962, с. 125; Дондуков, 1963, с. 84]. Вся описанная семантика, в том числе объясняющая образование форм женского рода, хорошо охарактеризована и объяснена [Рамстедт, 1957, с. 186]. Однако Ц. Б. Будаев отмечал отсутствие оттенков уменьшительности и ласкательности у образований с этим аффиксом для западнобурятских говоров в целом [1978, с. 158]. Например, в нижнеудинском говоре бурятского языка, как отмечает В. И. Рассадин, аффикс употребляется без подобной семантики – здесь он вовсе широко характерен для прилагательных [Трофимова, Рассадин, 2013, с. 114].

Однако для образующей основы в этом случае подходит только одно слово¹³.

Так, в «Этимологическом словаре монгольских языков» отмечено письм.-монг. *ĵim*, при орд. *джим*, бур. *жэм* 'зверинная тропа', халх. *жим* 'тропа', калм.

¹³ А. Г. Митрошкина приводит для имени *Зэнхэн* довольно формальную случайную аналогию *zāni ḥabāš* 'эфиоп, чернокожий' [Митрошкина, 1987, с. 140], конечно, не объясняющую его значение, тем более первый элемент в приведенной фразе является арабизмом *zānġ*. На каких-то поздних этапах функционирования этнонима и связанного с ним эпонима в устной традиции нельзя исключить контаминацию с формально сопоставимым другим словом: ср. письм.-монг. *ĵingkini* [**ĵing-kini*] (< маньчж. *ĵingkini* 'истина, справедливый, настоящий, точный'), халх. *жимхэнэ* 'настоящий, действительный, подлинный' [Санжеев, Орловская, Швернина, 2016, с. 77], отмеченный также в бур. *жэнхэни* 'настоящий, подлинный' [Будаев, 1992, с. 96].

жым 'тропинка; след'. Ср. каз. *жым* 'след' [Санжеев, Орловская, Шевернина, 2016, с. 76].

В «Большом бурятско-русском словаре» указано следующее: «**жэм I** 1) звериная тропа (*по к-рой ходят соболи, выдры, белки в период спаривания*); **жэм бүхэниие мэдэдэг ангуушан** охотник, знакомый с каждой тропой; **жэм дээрэ һа-али табиха тунк.** ставить лук-самострел на (*звериной*) тропе; **жэмдэ агнаха тунк., окин.** охотиться (*на соболей, выдр, белок*) в период спаривания; **шандаганай жэм** заячья тропа; 2) путь, дорожка, след; **санын жэм** лыжня; **жэм гаратар ябаха** про-топтать дорожку» [Шагдаров, Черемисов, 2010, с. 364].

Это тот случай, когда общемонг. /i/ соответствует бур. /e/ в более закрытом комбинаторном варианте [Porre, 1955, p. 35–36; Рассадин, 1982, с. 15–16, 17, 23].

Якутская форма, как она отражена в русских источниках, показывает связь с заднерядной монгольской формой (письм.-монг. /q/ отразился бы как як. /χ/, см.: [Kałużyński, 1961, s. 51–52]). Однако здесь требует объяснения гласный первого слога. Монгольский /i/, присутствующий в известной форме бурятского этнонима, первых слогов четко отражается в якутском через /i/, /i/ [Kałużyński, 1961, S. 127]. Как отмечалось выше, соответствие ему в бурятском языке /e/ считается довольно поздним. Во всяком случае, в якутских монголизмах эта особенность бурятского языка отражения не получает [Kałużyński, 1961, s. 21, 124].

Здесь возможно объяснение, связывающее характер первого гласного и одновременно его передачу в якутском (посредством русской записи) с влиянием «перелома» первослогового гласного /i/, что, хотя не отразилось в орфографии бурятских старописьменных памятников, нашло место в устной речи, передавшей ассимилировавшийся /e/ (см.: Зэнхэн, Жэнхэн, Енхэн).

Огубленный вокализм второго слога в записях якутской формы выглядит естественно. Якутский язык характеризует последовательная лабиальная гармония. Для монгольских языков не характерно употребление полушироких огубленных /o/, /ö/ после соответственно гласных /a/, /e/ в первом слоге. Исходя из отсутствия закономерностей передачи якутских имен в русских записях, интерпретировать написание *емкон- (ср.: *ямкон-) без огубленного гласного допустимо¹⁴, но лишь формально. Огубленную передачу гласного второго слога здесь можно связывать с его нахождением в слабой (безударной) позиции в исходной форме, с последующей фонетической адаптацией и изменением акцентуации уже в якутской среде.

Начальным согласным мог быть звук, выступающий как шипящий рефлекс аффрикаты /j/, давшей в соседстве с узким гласным смычный, характеризующийся переходом к /j/, через ступень типа */d'/, по гипотезе В. И. Рассадина, близкий к [j] [1982, с. 148]. Косвенным свидетельством этого выступает сам факт непоследовательной передачи начального звука наименования соответствующей волости якутов – *й-*, *ж-*, *ш-* (последнее – у И. Георги), подкрепленный замечанием Г. Ф. Миллера о трудности отличить передаваемый «русским *ж*» соответствующий звук «у якутов, так же как и у монголов и бурят» от *j*. Все это означает, что в якутскую среду проник этноним в той форме, в какой он мог бы функционировать в западнобурятской (эхирит-булагатской) среде.

¹⁴ Ср.: рус. Ербой – як. Эрбэй, рус. Иногон – як. Иннэбэн, рус. Черок – як. Чорох, рус. Экон – як. Экэн [Сафронов, 1985, с. 61, 64, 146, 153]. Ср. еще упоминание «Шерковских» волостей в переписи 1750 г. [Георги, 1799, с. 170].

По поводу природы процесса спирантизации аффрикат в западных говорах бурятского языка высказывались различные мнения. Так, Ц. Б. Будаев, отмечая параллельное употребление в XIX в. в булагатских говорах форм одних и тех же слов с *ж*- и *й*- (*йил*, *жил* 'год', *йаргал* 'счастье'), заключает следующее: «Значит, в эхиритских и булагатских говорах процесс развития *ж* > *й* в связи с дальнейшим ослаблением артикуляции начался не раньше XVIII в. и не был связан с влиянием тюркских или других языков» [1992, с. 50, 52]. Как видно, сегодня мы уверенно можем считать это утверждение, по крайней мере, в первой его части, касающейся датировки этого процесса, устаревшим.

Итак, несмотря на всю лингвистическую аргументацию, приходится заметить, что объяснить семантику получавшегося бы в этом случае образования проблематично, тем более в отношении этнонима. Один из выходов состоит в том, чтобы считать его связанным с личным именем. Личные имена бурятских деятелей с уменьшительно-ласкательными аффиксами, в том числе *-хан*, хорошо отмечены в источниках XVII в. [Цыдендамбаев, 1976, с. 14–15]. Известен значительный фонд бурятских имен на *-хан*, толкование которых неочевидно [Митрошкина, 1976, с. 55–56; Митрошкина, 1987, с. 129–131]¹⁵. Для обоснования такой возможности укажем, что в 1795 г. в документах зафиксировано якутское личное имя *Жемкон* [Ревизские сказки, 2012, с. 15]. В этом отношении любопытно также упоминание в 1648–1649 гг. некоего Ивака Емконова [Материалы ... , 1970, с. 755]. Фигурирующие в русских источниках XVII–XVIII вв. в отношении представителей якутского населения формулы наименования, содержащие элементы на *-ов*, *-ев*, *-ин*, первые праобразы фамилий, представляли собой наименования по отцу; эти патронимы не передавались по наследству [Самсонов, 1991, с. 143]. Ф. Г. Сафронов включает название Емконского улуса в перечень тех, которые произошли от «имен родоначальников и других чем-либо прославившихся якутов» [1987, с. 60–61]. Впрочем, известны якутские фамилии, образованные «от названий местности, где родился или проживает человек» [Самсонов, 1991, с. 145–146]. Так, в примечании к изданию якутского фольклора Г. У. Эргиса есть также следующее указание: «*Дьөкпөн* – местность на правом берегу р. Лены, в 80 км выше г. Якутска, напротив пос. Покровского. Жемконская волость в исторических актах фигурирует с XVII в.» [Исторические предания ... , 1960, с. 124, 125, 287, прим. 2]. Выявляемая семантика формы **jimken* больше соответствует топониму. Такая постановка вопроса, не входя в противоречие с фонетическим обликом слова, позволяет углубить нижнюю хронологическую границу его появления в якутской среде.

**Jimken* || *Jemäk* ~ *Jimäk*?

Есть, однако, еще одна возможность сопоставления этнонима **jimken* с этническим наименованием гораздо более ранних эпох, не меняющая ничего в аргументации, касающейся заимствования слова из языка-источника западно-бурятского типа в якутский. Речь идет о наименовании *jemäk* ~ *jimäk*, известном в источниках после XI в. в отношении той же группы тюркских племен, которая в более ранних текстах (исключительно мусульманских авторов) именуется *kimäk* и

¹⁵ В перечне имен, данных в работе А. Г. Митрошкиной, смешаны отыменные образования с аффиксом *+qan* и отглагольные образования, этимология которых требует проверки.

локализуется на территории бассейна верхнего Иртыша. Соотношение названий *kimäk* и *jemäk* ~ *jimäk* обсуждается в научной литературе, и вопросы этимологии, соответственно, не разрешены (обзор см.: [Golden, 2002]). Не углубляясь в этот вопрос, отметим лишь то, что выявляемая форма бурятского этнонима **jimken* ~ **jimken* может выступать как соответствие тюркскому *jemäk* ~ *jimäk* (т. е. с полужакрытым гласным первого слога, допускающим колебание /e/ ~ /i/) в монгольском облике. В частности, у В. Котвича представлена подборка соответствий в тюркских и монгольских языках, где монгольские формы отличает «удлинение» основы за счет конечного элемента с *-n*, там же встречаются формы, когда тюркские гласные второго слога не имеют соответствия в монгольских (см., напр., тюрк. *jüräk* – монг. *žiriken* ‘сердце’; тюрк. *arıy* – монг. *ariyun* ‘чистый, святой’; тюрк. *qoγuř* – монг. *qoγosun* ‘пустой’, тюрк. *balıq* – монг. *baγasun* ‘город’ и др. [1962, с. 41, 42]). Мы не можем здесь решать вопрос, идет ли речь в нашем случае о какой-то общей праформе или заимствовании, считая своей задачей на данном этапе ограничиться лишь указанием на саму возможность сопоставления этнонимов.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, мы должны констатировать очередное соответствие в бурятской и якутской этнонимике, добавляющее еще одно свидетельство участия групп бурятского населения в этногенезе якутов. При этом, как следует из разбора этнонимов, форма, проникшая в якутскую среду, имела, скорее всего, фонетический облик, характерный для говоров западнобурятского типа – с начальным согласным звуком, близким к */j/ или */d/. Родственные ему «жекающие» и «йекающие» формы эпониима Жэнхэн, Жинхэн и Енхэн, Енихэн отражены в генеалогических преданиях различных групп западных бурят. К совершенно иной диалектной традиции принадлежит бытующий с ними вариант произношения «Зэнхэн». Таким образом, проделанные изыскания позволяют говорить о существовании этнонима **jimken* в среде западных бурят задолго до XVII в., когда его заимствованная форма фиксируется в якутской этнонимике.

Указание на возможную связь бурятского (и, следовательно, якутского) этнонима с этнонимом *jemäk* ~ *jimäk* может расширить знания в области исследования этнической истории одного из племен кимекского круга, часть носителей могла в какой-то период продвинуться из долины Иртыша на восток в Прибайкалье, где история этой общности уже получила новый виток.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания (проекты «Россия и Внутренняя Азия: динамика геополитического, социально-экономического и межкультурного взаимодействия» и «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства»).

Список литературы

- Бадмаева Л. Б. Язык бурятских летописей. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 216 с.
- Балдаев С. П. Родословные предания и легенды бурят. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. Ч. 1 : Булагаты и эхириты. 364 с.
- Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии : в 2 т. М. : Арт-Флекс, 2003а. Т. 1 : Аграрные отношения с древних времен до 1770-х годов. 447 с.
- Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии : в 2 т. М. : Арт-Флекс, 2003б. Т. 2 : Аграрный кризис и аграрное движение в конце XVIII – первой трети XIX вв. 511 с.

- Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII – середина XIX в.). М.: АН СССР, 1956. 438 с.
- Будаев Ц. Б. Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. Новосибирск: Наука, 1978. 302 с.
- Будаев Ц. Б. Бурятские диалекты (опыт диахронического исследования). Новосибирск: Наука, 1992. 217 с.
- Бураев И. Д. Становление звукового строя бурятского языка. Новосибирск: Наука, 1987. 185 с.
- Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия. Введение и фонетика. Л.: АН СССР, 1929. XII, 436 с.
- Востриков А. И., Поппе Н. Н. Летопись баргузинских бурят: Тексты и исследования. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1935. 75 с.
- Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежды и прочих достопамятностей. СПб.: При Императорской академии наук, 1799. Ч. 2: О народах татарского племени и других нерешенного еще происхождения северных сибирских. 178 с.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология / под ред. Г. Д. Санжеева. М.: Изд-во вост. Лит., 1962. 340 с.
- Дамбуева П. П., Норманская Ю. В. Анализ гласных первого слога в двух кириллических памятниках письменности на бурятском языке // Урал-алтайские исследования. 2018. № 2 (29). С. 30–43.
- Долгих Б. О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 622 с.
- Дондуков У.-Ж. Ш. Аффикальное словообразование частей речи в бурятском языке. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1963. 246 с.
- Иванов Н. М. Функционирование топонимов в Республике Саха (Якутия) // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 1. № 11. С. 93–99.
- Иванов С. А. Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.
- Исторические предания и рассказы якутов = Саха былыргы сэээннэрэ уонна кэпсээннэрэ / изд. подгот. Г. У. Эргис; под ред. А. А. Попова; [отв. ред. Н. В. Емельянов]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. 1. 322, [1] с.
- Грамматика современного якутского литературного языка: в 2 т. / Е. И. Коркина, Е. И. Убратова, Л. Н. Харитонов, Н. Е. Петров. М.: Наука, 1982. Т. 1: Фонетика и морфология. 496 с.
- Котвич В. Исследование по алтайским языкам / пер. с пол. А. И. Толкачева; общ. ред. и предисл. Н. А. Баскакова, прим. Н. А. Баскакова и Г. Д. Санжеева. М.: Иностран. лит., 1962. 371 с.
- Ксенофонтов Г. В. Элэйдэ: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. М.: Наука, 1977. 348 с.
- Летописи хоринских бурят. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1935. Вып. 1: Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / Текст издал Н. Н. Поппе. 173 с.
- Летописи хоринских бурят. Хроники Тугултур Тобоева и Вандана Юмсунова / Пер. Н. Н. Поппе; отв. ред. А. П. Баранников. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1940. 108 с.
- Маак Р. Виллойский округ Якутской области. Ч. 3. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1887. 192+XVII с.
- Материалы по истории Якутии XVII века: (Документы ясачного сбора): в 3 ч. / под ред. Т. М. Швецовой. М.: Наука, 1970. Ч. 2. 159–790 с.
- Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов / изд. А. Х. Элерт, В. Хинтше. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 456 с.
- Митрошкина А. Г. Морфологическая структура исконно бурятских личных имен и семантика их апеллятивов // Ономастика Бурятии / редкол. В. И. Рассадина, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.), Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ, 1976. С. 46–68.
- Митрошкина А. Г. Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К бурятско-якутским этническим связям: *игидэй* и *эхирд* // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология, этнология, антропология. 2020а. Т. 32. С. 26–36. <https://doi.org/10.26516/2227-2380.2020.32.26>
- Нанзатов Б. З., Тишин В. В. К бурятско-якутским этническим связям: *Kogosuk*, *хахсык*, *хахшудд/хагишуд* // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2020б. № 3 (39). С. 26–32. <https://doi.org/10.31554/2222-9175-2020-39-26-32>
- Окладников А. П. Из истории общественных отношений у якутов в XVII веке (Легенды о Тыгыне и историческая действительность) // Советская этнография. 1949. № 2. С. 98–118.
- Парникова А. С. Расселение якутов в XVII – начале XX в. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 152 с.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб.: Тип. «Ш. Буссель», 1912. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. 708 с.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959. Т. 1: Выпуск 1–4. 1–1280 стб.
- Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: АН СССР, 1959. Т. 2: Выпуск 5–9. 1281–2508 стб.
- Поппе Н. Н. Грамматика бурят-монгольского языка. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. 268 с.
- Рамстедт Г. Й. Введение в алтайское языкознание. Морфология / пер. Л. С. Слоним, ред., авт. предисл., авт. примеч. Н. А. Баскаков, авт. примеч. Г. Д. Санжеев. М.: Иностран. лит., 1957. 255 с.
- Рассадина В. И. Бурятизмы в якутском языке // О. Н. Бетлинг и его труд «О языке якутов»: материалы конф., посвящ. 120-летию выхода в свет труда О. Н. Бетлинга «О языке якутов» / отв. ред.: Е. И. Коркина, Н. Е. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1973. С. 167–179.
- Рассадина В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с.
- Рассадина В. И. Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука, 1982. 199 с.
- Ревизские сказки, Переписные листы Якутской области Малтанского наслега Кангаласского (Западно-

- Кангаласского) улуса с 1795 по 1928 г. / Оформленные О. А. Скобелев. [2012]. URL: http://xang-biblio.ru/wp-content/images/stories/book/redkost/15012015_1.pdf
- Румянцев Г. Н. Баргузинские буряты // Труды Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева и Кяхтинского отделения ВГО. 1949. Т. 16, вып. 1. С. 34–62.
- Самсонов Н. Г. О якутских фамилиях // Вопросы ономастики. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. Вып. 19: Номинация в ономастике. С. 142–147.
- Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Т. 1. 240 с.
- Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. 1: А–Е. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В. Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2016. Т. 2: G–P. 232 с.
- Сафронов Ф. Г. Дохристианские личные имена народов Северо-Востока Сибири: (Историко-этнографический обзор и именник). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1985. 200 с.
- Сафронов Ф. Г. Якуты. Мирское управление в XVII – начале XX века. Якутск: Кн. изд-во, 1987. 132 с.
- [Серошевский В. Л.] Якуты: опыт этнографического исследования. В Л. Серошевского / под ред. Н. И. Веселовского. СПб.: Тип. Гл. управления Уделов, 1896. Т. 1. [4], XII, 720 с.
- Скрябина К. Г. I Дьоппөн, Хагалас улууһа. Дьокуускай, 2018. 320 с.
- Токарев С. А. Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. Гос. изд-во, 1945. 416 с.
- Трофимова С. М., Рассадин В. И. Аффикальное словообразование прилагательных от именных основ в монгольских языках // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2013. № 3(11). С. 111–116.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные. Историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1972. 664 с.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Изучение ономастики Бурятии и исторически связанных с ней регионов – одна из актуальных задач современного бурятоведения // Ономастика Бурятии / редкол.: В. И. Рассадин, Ц. Б. Цыдендамбаев (отв. ред.), Л. Д. Шагдаров. Улан-Удэ, 1976. С. 3–23.
- Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бураад-ород толи: хоёр ботино 30000 үгэ = Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Респ. тип., 2010. Т. 1: А–Н. 636 с.
- Якутия в XVII веке = Саха Сирэ XVII-с үйүбэ: (очерки) / под ред. С. В. Бахрушина, С. А. Токарева. Якутск: Якут. Кн. изд-во, 1953. 446 с.
- Golden P. B. Kıpçak Kabileleri Üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler // Türkler / ed. H. C. Güzel, K. Çiçek, S. Koca. Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. Cilt 2. İlk Çağ. S. 757–766
- Kałużyński S. Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1961. 170 s.
- Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1955. 300 p.

References

- Badmaeva L. B. *Yazyk buryatskikh letopisei [Language of Buryat chronicles]*. Ulan-Ude, BSC SB RAS Publ., 2005, 216 p. (In Russ.)
- Bakhrushin S. V., Tokarev S. A. 9EDS. *Yakutiya v XVII veke / Sakha Sire XVII-s üyege: (ocherki) [Yakutia in the 17th century]*. Yakutsk, Yakut. Book Press, 1953, 446 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. *Rodoslovnye predaniya i legendy buryat [Genealogies story and legends of Buryats]*. Ulan-Ude, 1970, Part 1. Bulagaty i ekhirity [Bulagats and Ekhirits], 364 p. (In Russ.)
- Basharin G. P. *Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii (60-ye gody 18 – seredina 19 v.) [History of agrarian relations in Yakutia (60s of the 18th – mid-19th centuries)]*. Moscow, AS USSR Publ., 1956, 438 p. (In Russ.)
- Basharin G. P. *Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii [History of agrarian relations in Yakutia]*. Moscow, Art-Fleks Publ., 2003, Vol. 1. Agrarnye otnosheniya s drevnikh vremen do 1770-kh godov [Agrarian relations from ancient times to the 1770s.], 447 p. (In Russ.)
- Basharin G. P. *Istoriya agrarnykh otnoshenii v Yakutii [History of agrarian relations in Yakutia]*. Moscow, Art-Fleks Publ., 2003, Vol. 2. Agrarnyi krizis i agrarnoe dvizhenie v kontse 18 – pervoi treti 19 vv. [Agrarian crisis and agrarian movement at the end of the 18th – 1st third of the 19th centuries], 511 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Leksika buryatskikh dialektov v sravnitelno-istoricheskom osveshchenii [Lexicon of Buryat dialects in comparative historical research]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1978, 302 p. (In Russ.)
- Budaev Ts. B. *Buryatskie dialekty (opyt diakhronicheskogo issledovaniya) [Buryat dialects (experience of diachronic research)]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1992, 217 p. (In Russ.)
- Buraev I. D. *Stanovlenie zvukovogo stroya buryatskogo yazyka [Formation of the sound structure of the Buryat language]*. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 185 p. (In Russ.)
- Dambueva P. P., Normanskaya Yu. V. Analiz glasnykh pervogo sloga v dvukh kirillicheskikh pamyatnikakh pismennosti na buryatskom yazyke [Analysis of the first syllable vowels of in two Cyrillic monuments of writing in the Buryat language]. *Uralo-altaiskie issledovaniya [Ural-Altai studies]*. 2018, Is. 2 (29), pp. 30–43. (In Russ.)
- Dolgikh B. O. *Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v 17 veke [Clan and Tribal composition of the peoples of Siberia during the 17th century]*. Moscow, AS USSR Publ., 1960, 621 p. (In Russ.)
- Dondukov U.-Zh. Sh. *Affiksialnoe slovoobrazovanie chastei rechi v buryatskom yazyke [Affixal word formation of parts of speech in the Buryat language]*. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1963, 246 p. (In Russ.)
- Ergis G. U. (ed. prepare), Popov A. A., Emelianov N. V. (eds.). *Istoricheskie predaniya i rasskazy yakutov = Sakha bylyrgy seennere uonna kepseennere [Historical*

- legends and stories of the Yakuts]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1960, Part 1, 322 p. (In Russ.)
- Georgi I. G. *Opisanie vsekh v Rossiiskom gosudarstve obitaiushchikh narodov, takzhe ikh zhiteiskikh obryadov, ver, obyknovenii, zhilishch, odezhd i prochikh dostopamyatnostei. Chast vtoraya. O narodakh tatarskogo plemeni i drugikh nereshennogo eshche proiskhozhdeniya severnykh sibirskikh* [Description of all the peoples living in the Russian state, also their everyday rituals, beliefs, customs, dwellings, clothes and other features. Pt. 2. About the peoples of the Tatar tribe and other unresolved origins of the northern Siberians]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Publ., 1799, 178 p. (In Russ.)
- Golden P. B. Kıpçak Kabileleri Üzerine Notlar: Kimekler ve Yemekler [Notes on Kipchak Tribes: Kimeks and Yemek]. *Türkler* [Turkic peoples]. Ankara, Yeni Türkiye Yayınları, 2002, Vol. 2, İlk Çağ, pp. 757–766. (In Turkish)
- Ivanov N. M. Funktsionirovanie toponimov v Respublike Sakha (Yakutiya) [Functioning of toponyms in the Sakha Republic (Yakutia)]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M. K. Ammosova* [Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University]. 2014, Vol. 1, Is. 11, pp. 93–99. (In Russ.)
- Ivanov S. A. *Tsentrálnaya gruppa govorov yakutskogo yazyka: Fonetika* [The central group of dialects of the Yakut language: Phonetics]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1993, 352 p. (In Russ.)
- Kałużyński S. *Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache* [Mongolian elements in Yakutian language]. Warszawa, Państwowe Wydawn. Naukowe, 1961, 170 s. (In German)
- Korkina E. I., Ubryatova E. I., Kharitonov L. N., Petrov N. E. *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Yakut literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1982, Vol. 1. Fonetika i morfologiya [Phonetics and morphology], 496 p. (In Russ.)
- Kotwicz W. *Issledovaniye po altaiskim yazykam* [Research on the Altai languages]. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1962, 371 p. (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. *Elleyada: Materialy po mifologii i legendarnoi istorii yakutov* [Elleida: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 348 p. (In Russ.)
- Maak R. *Vilyuiskii okrug Yakutskoi oblasti* [Vilyui district of the Yakutsk region]. St. Petersburg, 1887, Part 3, 192+XVII p. (In Russ.)
- Miller G. F. *Opisanie sibirskikh narodov* [Description of Siberian peoples]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoi mysli Publ., 2009, 456 p. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. Morfologicheskaya struktura iskonno buryatskikh lichnykh imen i semantika ikh apellyativov [Morphological structure of native Buryat personal names and semantics of their appellatives]. *Onomastika Buryatii* [Onomastics of Buryatia]. *Trudy Buryatskogo instituta obshchestvennykh nauk BF SO AN SSSR. Vyp. 26. Seriya yazykovedcheskaya* [Proceedings of the Buryat Institute of Social Sciences BF SB AS USSR. Issue 26. Linguistic series]. Ulan-Ude, 1976, pp. 46–68. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. *Buryatskaya antroponiimiya* [Buryat anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1987, 222 p. (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. K buryatsko-yakutskim etnicheskim svyazyam: igidei i ekhrid [Toward Buryat-Yakut Ethnic Connections: Igidaï and Ekhrid]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya, Etnologiya, Antropologiya* [Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series]. 2020a, Vol. 32, pp. 26–36. DOI: 10.26516/2227-2380.2020.32.26 (In Russ.)
- Nanzatov B. Z., Tishin V. V. K buryatsko-yakutskim etnicheskim svyazyam: Kogosuk, khakhtsyk, khakhshudd/khagshuud [Towards Buryat-Yakut ethnic ties: Kogosuk, Khakhtsyk, Khakhshudd/Khagshuud]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the Buryat Scientific Center of the SB RAS]. 2020b, Is. 3 (39), pp. 26–32. DOI: 10.31554/2222-9175-2020-39-26-32 (In Russ.)
- Okladnikov A. P. Iz istorii obshchestvennykh otnoshenii u yakutov v 17 veke (Legendy o Tygyne i istoricheskaya deystvitelnost) [Rom the history of social relations among the Yakuts in the 17th century (Legends of Tygyn and historical reality)]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1949, Is. 2, pp. 98–118. (In Russ.)
- Parnikova A. S. *Rasselenie yakutov v 17 – nachale 20 vv.* [Allocation of the Yakuts in the 17th – early 20th centuries]. Yakutsk, Yakut. Book Publ., 1971, 152 p. (In Russ.)
- Patkanov S. K. *Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev (na osnovanii dannykh spetsialnoi razrabotki materiala perepisi 1897 g.)* [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and kind of foreigners (on the basis of a special development of the material to the 1897 census)]. St. Petersburg, 1912, Vol. 3: Irkutskaya guberniya, Zabaikalskaya, Amurskaya, Yakutskaya, Primorskaya oblasti i ostrov Sakhalin [The Irkutsk region, Zabaykalsky, Amur, Sakha, Primorye region and Island of Sakhalin], pp. 434–999. (In Russ.)
- Pekarskii E. K. *Slovar yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Moscow, AS USSR Publ., 1959, Vol. 1, Is. 1–4 (3), XVIII, (1), col. 1–1280, (2) p. (In Russ.)
- Pekarskii E. K. *Slovar yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. Moscow, AS USSR Publ., 1959, Vol. 2, Is. 5–9, col. 1281–2508, VIII p. (In Russ.)
- Poppe N. N. *Letopisi khorinskikh buryat* [Chronicles of the Khori Buryats]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1935, Vyp. 1: Khroniki Tugultur Toboyeva i Vandana Yumsunova [Issue 1: Chronicles of Tugultur Toboev and Vandan Yumsunov], 173 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. *Grammatika buryat-mongolskogo yazyka* [Grammar of the Buryat-Mongolian language]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1938, 268 p. (In Russ.)
- Poppe N. N. (transl.), Barannikov A. P. (ed.). *Letopisi khorinskikh buryat. Khroniki Tuguldur Toboyeva i Vandana Yumsunova* [Chronicle of the Khori Buryats. Chronicles of Tuguldur Toboev and Vandan Yumsunov]. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1940, 108 p. (In Russ.)

- Poppe N. *Introduction to Mongolian Comparative Studies*. Helsinki, Société Finno-Ougrienne, 1955, 300 p.
- Ramstedt G. J. *Vvedenie v altaiskoe yazykoznanie. Morfoloгиya [Introduction to Altaic Linguistics. Morphology]*. Moscow, Inostrannaya literatura Publ., 1957, 255 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. Buryatizmy v yakutskom yazyke [Buryatism in the Yakut language]. *O. N. Böhtlingk i yego trud "O yazyke yakutov" [O. N. Böhtlingk and his work "On the Yakut language"]*. Yakutsk, YAF SB AS USSR Publ., 1973, pp. 167–179. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh [Mongol-Buryat loanwords in Siberian Turkic languages]*. Moscow, Nauka Publ., 1980, 115 p. (In Russ.)
- Rassadin V. I. *Ocherki po istoricheskoi fonetike buryatskogo yazyka [Essays on the historical phonetics of the Buryat language]*. Moscow, Nauka Publ., 1982, 199 p. (In Russ.)
- Rumyantsev G. N. Barguzinskie buryaty [Barguzin Buryats]. *Trudy Kyakhtinskogo kraevedcheskogo muzeya im. akademika. V. A. Obrucheva i Kyakhtinskogo otdeleniya VGO [Proceedings of the academician V. A. Obruchev Kyakhta Museum and the Kyakhta branch of the VGO]*. 1949, Vol. 16, Is. 1, pp. 34–62. (In Russ.)
- Safronov F. G. *Dokhristianskie lichnye imena narodov Severo-Vostoka Sibiri: (Istoriko-etnograficheskiy obzor i imennik) [Pre-Christian personal names of the peoples of the North-East of Siberia: (Historical and ethnographic review and name list)]*. Yakutsk, Yakut. Book Publ., 1985, 200 p. (In Russ.)
- Safronov F. G. *Yakuty. Mirskoe upravlenie v 17 – nachale 20 veka [Mirskoe governance in the 17th – early 20th centuries]*. Yakutsk, Yakut. Book Publ., 1987, 132 p. (In Russ.)
- Samsonov N. G. O yakutskikh familiyakh [About Yakut surnames]. *Voprosy onomastiki [Questions of onomastics]*. Sverdlovsk, Ural University Press, 1991, Vol. 19: Nominatsiya v onomastike [Nomination in Onomastics], pp. 142–147. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. *Sravnitel'naya grammatika mongolskikh yazykov [Comparative grammar of Mongolian languages]*. Moscow, AS USSR Publ., 1953, Vol. 1, 240 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. (ed.). *Grammatika buryatskogo yazyka. Fonetika i morfoloгиya [Grammar of the Buryat language. Phonetics and morphology]*. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1962, 340 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar mongolskikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]*. Moscow, IV RAS Publ., 2015, Vol. 1 (A–E), 224 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. *Etimologicheskii slovar mongolskikh yazykov [Etymological dictionary of Mongolian languages]*. Moscow, IV RAS Publ., 2016, Vol. 2 (G–P), 232 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. *Buriad-orođ toli: khoior boti / Buryatsko-russkiy slovar [Buryat-Russian dictionary]*. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya Publ., 2010, Vol. 1. A–N, 636 p. (In Russ.)
- Shvetsova T. M. (ed.). *Materialy po istorii Yakutii 17 veka: (Dokumenty yasachnogo sbora) [Materials on the history of Yakutia of the 17th century: (Documents of the yasak collection)]*. Moscow, Nauka Publ., 1970, Part 2, 790 p. (In Russ.)
- Skobelev O. A. (design). *Revizskie skazki, Perepisnye listy Yakutskoi oblasti Maltanskogo naslega Kangelasskogo (Zapadno-Kangelasskogo) ulusa s 1795 po 1928 gg. [Revision tales, Census sheets of the Yakutsk region of the Maltansky nasleg of the Kangelassky (West Kangelassky) ulus from 1795 to 1928]* Available at: http://xang-biblio.ru/wp-content/images/stories/book/redkost/15012015_1.pdf (In Russ.)
- Skryabina K. G. *I D'öppön, Khaŋalas uluuha [D'öppön of Qangalas ulus]*. Yakutsk, Mediakholding Publ., 2018, 320 p. (In Yakut.)
- Tokarev S. A. *Obshchestvennyi stroi yakutov XVII–XVIII vv. [The social structure of the Yakuts of the 17th – 18th centuries]*. Yakutsk, Yakut Book Publ., 1945, 416 p. (In Russ.)
- Trofimova S. M., Rassadin V. I. *Affiksialnoe slovoobrazovanie prilagatelnykh ot imennykh osnov v mongolskikh yazykakh [Affixal word formation of adjectives with nominal stems in Mongolic languages]*. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS]*. 2013, Is. 3 (11), pp. 111–116. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. *Buryatskie istoricheskie khroniki i rodoslovnye [Buryat historical Chronicles and Genealogies]*. Ulan-Ude, Buryat Book Press, 1972, 662 p. (In Russ.)
- Tsydendambaev Ts. B. *Izuchenie onomastiki Buryatii i istoricheski svyazannykh s nei regionov – odna iz aktualnykh zadach sovremennogo buryatovedeniya [The study of the onomastics of Buryatia and the regions historically connected with it is one of the actual tasks of recent Buryat studies]*. *Onomastika Buryatii [Onomastics of Buryatia]*. Ulan-Ude, 1976. pp. 3–23. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. *Sravnitel'naya grammatika mongolskogo pismennogo yazyka i khalkhasskogo narechiya. Vvedeniye i fonetika [Comparative grammar of the Mongolian written language and the Khalkha dialect. Introduction and Phonetics]*. Leningrad, AS USSR Publ., 1929, XII, 436 p. (In Russ.)
- Vostrikov A. I., Poppe N. N. *Letopis barguzinskikh buryat: Teksty i issledovaniya [Chronicle of the Barguzin Buryats: Texts and Research]*. *Trudy Instituta vostočkovedeniya Akademii nauk SSSR [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the USSR Academy of Sciences]*. Moscow, Leningrad, AS USSR Publ., 1935, 75 p. (In Russ.)
- Yakuty. *Opyt etnograficheskogo issledovaniya V. L. Serpshevskogo [Yakuts. The experience of ethnographic research by V. L. Seroshevskii]*. Moscow, Moscow Printing House No. 2, 1993, 736 p. (In Russ.)

Сведения об авторах***Нанзатов Баир Зориктоевич***

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН; Россия, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
e-mail: tihij-511@mail.ru

Information about the authors***Nanzatov Bair Zoriktoevich***

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: nanzatov@yandex.ru

Tishin Vladimir Vladimirovich

Candidate of Sciences (History), Senior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
SB RAS; 6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047, Russian Federation
e-mail: tihij-511@mail.ru